

Л. Н. Хаховская

БИТВА ЗА НАРОДЫ: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

При обсуждении вопросов, касающихся проблем этногенеза, из уст археологов приходится иногда слышать, что в своих этногенетических построениях они идут от имеющегося в их распоряжении ископаемого материала, не обращаясь к этнографическим данным. Более того, в высказываниях звучит убежденность в возможности именно такого подхода. Иногда таких же взглядов относительно специфики археологического познания придерживаются этнографы, говоря следующее: «Археолог мыслит перспективно, поднимаясь от нижних слоев к дневной поверхности» [Белков 2009: 100]. На самом деле, как указывают исследователи, отправной позицией рассуждений археологов является как раз этнографическая современность, а не древность различной хронологической глубины [Клейн 1991, 1998]. Я хотела бы заострить на этом внимание и показать, что специфической чертой познания отдаленного прошлого Крайнего Северо-Востока со стороны региональных археологов является этническая/этнографическая реальность (подразумевается реальность, преломленная сквозь призму этнографии как научной дисциплины) как точка отсчета и форма реконструкции. Важным это представляется в связи с тем обстоятельством, что этногенетические работы (имеется в виду исторический аспект) в последнее время на Крайнем Северо-Востоке (Магаданская обл., Чукотка, отчасти Камчатский край)

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период» (руководитель — Л. Н. Хаховская).

пишут именно археологи [Диков 1969, 1993; Кирьяк 1993; Лебединцев 1990, 2012; Пономаренко 1985, 2000; Слободин 2004, 2012; и др.]. В то время как этнографы в связи с постмодернистским сдвигом в дисциплине утратили ясность представлений о механизмах и путях этногенеза и воздерживаются от высказываний на эту тему, публикуяющимся региональным археологам, похоже, сомнения подобного рода не присущи. Более того, этногенетические рассуждения становятся обязательным элементом регионального варианта археологической специализации.

Я намерена показать, как мыслят ведущие археологи Крайнего Северо-Востока о народах (этнусах) и путях их формирования, как происходит концептуализация объектов исследований и какие модели дисциплинарного знания воспроизводятся. Моим посылом является тезис о том, что, не говоря об этом напрямую, археологи восприняли и устойчиво придерживаются тех взглядов на этнос и этногенез, которые сложились в отечественной теории этноса. Поскольку установки данной теории в отношении этноса хорошо известны и многократно разбирались, а этногенетические воззрения рассматривались не так тщательно, уделим последним немного внимания. Основное методологическое положение базировалось на методе историзма: этногенез признавали сложным длительным процессом, в ходе которого складываются хозяйственно-культурные и бытовые особенности, формируется язык и физический тип [Гурвич 1975: 7, 8]. Отсюда основными операциями в ходе этногенетических исследований становились поиски «тех элементов, из которых составлялась данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ» [Токарев 1949: 15]. Поэтому этногенетические исследования сопряжены «с огромными трудностями поисков исходных и привносимых элементов этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния» [Карлов 2011: 83].

Действительно, трудность в том, что процедура, описанная в общих чертах, не подразумевала указаний, как действовать в конкретных случаях — среди какого уровня и рода общностей искать «элементы»? Как (комплексно или порознь) их брать? Насколько мелкими (дробными) они могут быть, то есть до какого

самого низкого порядка допустимо вычленение? Неясными остались и «процессы»: если отдельные элементы накапливаются и подбираются один к другому долго, то какая их критическая масса дает «готовый» народ? Что происходит с накопленными элементами в ожидании недостающих? Этногенез моно- или полицентричен? Поэтому исследователи, переходя к конкретике, руководствовались собственными интуитивными представлениями об этногенезе и этносе, но общую схему ревизии не подвргали.

Так, согласно взглядам М. А. Кирьяк, юкагиры формируются в течение тысячи лет («I тыс. н.э.») на большой территории («от Вилюя до устья Анадыря») [Кирьяк 1993: 126]. Следовательно, этнографические представления о «дистанциях огромного размера» разделяются в отношении времени и переносятся также на пространство. Привлекает внимание, что речь в итоговой схеме М. А. Кирьяк идет не о народе в целом, а о «племенах»: ведь данный статус подразумевает таксономическую рубрикацию и косвенным образом говорит о незавершенной этнической консолидации. Возможно, исследовательница не решилась назвать юкагирскую общность народом по той причине, что этнографической науке хорошо известен результат этногенетических процессов у юкагиров — «мозаика <...> племен <...>, значительно утративших свою культуру» [Там же] и дальнейшее угасание. То есть произошло проецирование (в зеркальной симметрии) на далекое прошлое ситуации этнографического времени, а гипотетический пик юкагирского этногенеза археологически не рассмотрен. Таким образом, в историографическом плане юкагиры предстают неким фантомом — их или еще нет, или уже нет. Понятно, что восстановить утраченную юкагирскую культуру во всей ее полноте нельзя, но являются ли необходимыми и достаточными те три элемента «юкагирскости», которых придерживается автор-археолог: вафельная керамика, пиктографическое письмо и передник как элемент одежды? Ведь именно они (по разным основаниям и с различной аргументацией) позволяют «склеивать» в этническую непрерывность археологических и этнографических юкагиров.

Ярким примером, иллюстрирующим ретроспективный способ мышления о народах, является использование археологами современной этнонимии. Например, на основании археологически прослеживаемой приморской непрерывности северной части Охотского побережья выстраивается этногенетическая цепочка палеокоряки (токаревцы) → древние коряки → коряки [Лебединцев 1990]. Очевидно, что исследователь в данном случае отталкивается от факта современного существования этнической общности под названием коряки, не вдаваясь в не относящиеся к делу (с его точки зрения) подробности о том, когда и каким образом был обретен данный этноним. Обусловленность этнонимической приуроченности археологической картины рамками современной номенклатуры народов, избежать которой, действительно, методологически сложно, оборачивается терминологической реификацией, проявляющейся в легитимизации обозначения древних сообществ наличными этнонимами, тогда как последние являются конструктами, введенными в оборот в недавнее (этнографическое) время, то есть в период массового накопления этнографических источников, в том числе вербальных.

Археологи подчас не отдают себе отчета в данной особенности метода, которая в силу этого становится гносеологической ловушкой, поскольку влечет онтологизацию видения этносов как непрерывной цепочки (поколений / этнических имен / признаков), уходящей вглубь на сколь угодно большую величину. Выстраивая генеалогическую этническую вертикаль, региональные археологи обычно мало заботятся о параллельном прослеживании ее регулярных горизонтальных контекстов, то есть выявлении исторических условий, в рамках которых единственно и возможны объяснительные модели, поддерживающие эту гипотетическую конструкцию. Справедливости ради нужно отметить, что сделать это непросто из-за скудости источников и преобладания среди них вещественных артефактов. Поэтому, как ни парадоксально, археологи, заглядывающие в историческое прошлое глубже других профессионалов-гуманитариев, едва ли не в большей степени, чем эти последние, подвержены риску впасть в ошибку презентизма первого рода, то есть распространение

современного (недавнего) опыта на далекое прошлое: ведь выстраиваемая линия развития имеет вектор направленности, противоположный стреле времени, как бы ни хотелось верить в обратное.

Далее, для региональной археологической дисциплины характерна интерпретация археологических культур преимущественно в этническом ракурсе, позволяющая непосредственно, без промежуточных процедур, переводить обсуждение этих культур в этногенетическую плоскость. Вследствие этого не избежали археологи и заблуждений презентизма второго рода, то есть искушения говорить от имени существующих в современности этнических групп, как бы защищать их интересы в недоступном непрофессиональному взгляду прошлом. Разумеется, речь идет не о явных выступлениях, но о подспудных установках, оказывающих, тем не менее, влияние на выводы исследователей. Об этом свидетельствуют высказывания такого рода: «На наш взгляд, на Чукотке должен существовать прямой “выход” на археологическое прошлое титульной нации Чукотки — чукчей» [Слободин 2004: 292].

Можно видеть, что археологи в своих построениях имплицитно исходят из принципа «презумпции автохтонности», то есть допущения, что народы, занимающие сегодня определенный ареал, имели корни на этой же территории и в отдаленное время. Поэтому вполне естественным и даже необходимым кажется поиск этих корней археологическими методами. Из этого, в частности, исходил Н. Н. Диков, основоположник изучения древностей Крайнего Северо-Востока России, — его научно-исследовательская программа предусматривала проведение для всех аборигенных народов, проживающих на территории региона, «археологической прикидки».

Познавательная ситуация, сложившаяся в северо-восточной региональной археологии, имела и другую особенность, наложившую отпечаток на формирование взглядов ученых, сущность и стиль презентации полученных результатов: характерной чертой школы Н. Н. Дикова был принцип «один исследователь — один народ» (народ, представленный в современной этнической

номенклатуре и потому уже укорененный)¹. Поэтому конкуренция шла не между исследовательскими подходами и методами (они примерно одинаковы), но между интерпретациями археологического материала в пользу того или иного «защищаемого» ученым народа. Ситуация сложилась парадоксальная: археологи, имея в руках лишь немые артефакты (как правило, скудные), полученные с точечных местонахождений, мыслят крупными категориями (как правило, этносами в эссенциалистской парадигме), размещая и передвигая их (этноты) на огромных территориях, подобно полководцам-стратегам перед решающей битвой. По крайней мере, региональные объяснительные схемы строятся так, как если бы их авторы исходили из посылки, что этногенез, во-первых, ретроспективно принципиально наблюдаем и, во-вторых, получает адекватное отражение в материальных остатках.

Стремление нарисовать целостную этническую картину, найти корни всех современных аборигенных народов Крайнего Северо-Востока, а также непротиворечиво учесть данные смежных дисциплин порой приводило к обратному результату — замутнению этой картины вследствие вариативности мнений одних и тех же исследователей по одной и той же проблеме. Это видно на примере работ Н. Н. Дикова. Так, согласно одной трактовке Н. Н. Дикова, «континентальная тундровая культура», которую он позднее назвал северчукотской, служила основой формирования древнеэскимосской культуры [Диков 1969: 126], а носителями обеих были «предки эскимосов» [История 1989: 25]. По другой авторской версии, северчукотская культура являлась «исходным компонентом формирования» не только эскимосов, но и чукчей и «даже юкагиров и алеутов» [Диков 1969: 127]. Еще одно мнение — о «проточукотской ... этнической принадлежности внутриконтинентальной неолитической культуры» Чукотки [Диков 1977: 35]. В древних усть-бельцах Н. Н. Диков видел одновре-

¹ Схожая особенность прослеживается в советской этнографии — историография практически каждого «малого» народа ассоциируется с именем одного ведущего исследователя.

менно «протоюкагиров», «протоэскимосов» и «заметный» «чукотский этнокультурный компонент» [История 1989: 35].

Отмечу, что категориальный аппарат, используемый археологами для обозначения связи этнических образований археологического прошлого и этнографической современности, неширок: практически он исчерпывается двумя полноформными дефинициями («предки», «древние») и несколькими неполноформными («прото-», «пра-», «палео-»), причем контекст употребления не позволяет увидеть различия. Отчасти и поэтому археологическая реконструкция этногенеза северных народов несет отпечаток предписанного формата «предковости». Сама же предковость задается разного рода гносеологическими импульсами. Скажем, поиск древних корней для юкагиров в значительной мере был обусловлен тем обстоятельством, что этот народ ученые длительное время классификационно относили к палеоазиатам. Сконструированное палеоазиатское единство опрокидывалось в прошлое и принимало этногенеалогическую природу.

Порой логику этнических генеалогий диктует историография. Так, опираясь на археологический материал, С. Б. Слободин раздвигает ареал северчукотской культуры, выделенной Н. Н. Диковым, от тундр полярной Чукотки до бассейна Верхней Колымы. Из спектра этнических версий культуры, имеющих у Дикова, исследователь выбирает чукотскую [Слободин 2012]. Данные процедуры подчиняют избирательной историографической преемственности собственно исследовательский анализ: ведь эталонными для северчукотской культуры выглядят материалы не северной Чукотки, а Верхней Колымы. А абстрагирование от хронологии изучения культуры может повлечь перемену обозначенного этнического статуса, тем более что базируется он, строго говоря, на единственной категории каменного инвентаря (наконечники айонского типа) [Там же].

В связи с этим вновь встает вопрос об этнических признаках — могут ли они исчерпываться одной, пусть и яркой, категорией («маркером»), либо необходимо учитывать их комплексность? Другими словами, сочетаются ли признаваемые в качестве этномаркеров определенного сообщества артефакты случайным

образом или целенаправленно; если их связанность неслучайна, насколько долго она существует? Взгляды археологов, выстраивающих этногенетические схемы, в этом пункте неявно противоречивы — с одной стороны, имея в качестве этнического маркера лишь определенную категорию каменного или иного инвентаря, они как будто стоят на позициях независимости признаков; с другой, — их постоянное стремление учитывать данные антропологии, этнографии и лингвистики говорит об обратном — признаки учитываются в связанности, и эта связанность по возможности растягивается на полную археологическую досягаемость.

Однако устоявшаяся в региональной археологии модель презентации археологического материала в этногенетическом формате влечет за собой отсутствие рефлексии смысла и цели использования данного формата, замалчивание прерывности археологического контекста и проблем его сопряжения с артефактами другого происхождения. В археологических текстах я не встречала размышлений о механизмах их соотнесения, создается впечатление, что таковыми являются избирательная аналогия и прямая ретроспекция. Скажем, в этнографическом прошлом широта юкагирского ареала обосновывается фольклором («дым многочисленных юкагирских костров») и исторической реконструкцией на основе архивных сведений, поэтому в качестве основного археологического признака юкагиrow выбирается столь же широко распространенный (вафельная, или ложнотекстильная, керамика) [Кирыак 1993]. Уже упоминавшиеся айонские наконечники объявляются «визитной карточкой» предков чукчей, верифицируя соответствующую территорию [Слободин 2012]. Вследствие таких операций «этнически окрашенные» ареалы приобретают объемность, то есть в географическую составляющую привносится временное измерение глубиной по меньшей мере до неолита.

Подобная убежденность в том, что все нити непременно должны быть протянуты между прошлым и настоящим в строгой этнической увязке, порой приводит к странной аргументации, например Н. Н. Диков отказывает юкагирам в авторстве Пегтымельских петроглифов на том основании, что у современных

юкагиров нет керкера (а на петроглифах такой рисунок есть), но зафиксирован культ лося (а на петроглифах таких изображений нет) [Диков 1971: 63]. Вообще, наличие в современной этнической картине Северо-Востока такого народа, как юкагиры, является значимым фактором, который определенным образом структурирует этногенетический дискурс, формируемый в последние годы региональными археологами. При этом анализ конкретных сегментов данного дискурса показывает, что побуждающим мотивом исследований подчас является проблема не столько этногенеза, сколько, во-первых, хронологического первенства и, во-вторых, географического приоритета. В работах настойчиво подчеркивается, что «до появления юкагиров на Крайнем Северо-Востоке» чукчи и коряки «уже обитали на этой территории» [Лебединцев 2010: 72]; «северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки) являются автохтонными народами Крайнего Северо-Востока, а юкагиры и тунгусы — пришлым населением на Колыме, Чукотке и Охотском побережье» [Лебединцев 2012: 527]; «территория формирования чукотского этноса не только занимала континентальные районы Чукотки, но и простиралась и до Верхней Колымы» [Слободин 2004: 292].

Разумеется, невозможно хотя бы приблизительное видение отдаленного прошлого без исторического понимания. Согласно М. Блоку, историческое понимание охватывает последовательность событий — историческую вертикаль, диахронный подход [Блок 1973]. Чтобы высветить прошлое на сколько-нибудь значимую глубину, историк вынужден спрессовывать эти вертикальные связи, выстраивая отчетливые линии развития. Но это только одна сторона ремесла историка, тогда как другая подразумевает историческое объяснение, которое принимает форму контекста событий, мелких и частых синхронных срезов. Историк разнимает прежде спрессованные слои, ищет горизонтальные связи. И если региональная северо-восточная археология сильна в первой ипостаси, то во второй она явно пасует: между поздним неолитом (эпохой палеометалла) и этнографической современностью — чаще всего историографическая пустота. Все же, несмотря на это, в рассматриваемом дискурсе археологический материал интер-

претируется в этнических категориях, соответствующих «живым» культурам, этот подход влияет на отбор археологического инвентаря в качестве этнического маркера, в итоге такая классификация не самостоятельна как исследовательская процедура.

Обсуждаемая тема, конечно, выходит за рамки регионального дискурса. Этногенетические вопросы — это во многом проблема связи классификации и интерпретации в археологии [Клейн 1991]. В отечественной археологии, как кажется, трудность заключается в привязанности к жесткой рамке этносов, а концепции, уходящие от этой детерминации и направленные на поиски жизнеобеспечивающего контекста (новая, или процессуальная, археология, этноархеология), применяются слабо [Кузнецов 2006].

Говоря обобщенно, рамки «предковой» парадигмы, заданной периодом первоначального накопления археологических фактов, до настоящего времени довлеют над представлениями ряда региональных археологов. Способ их мышления об этногенезе таков, что они видят в своих источниках связь только с современными этносами. Эта ориентация выявляет такую гносеологическую проблему, как «слепота» в отношении непроявленных в современности этнических групп, то есть может ли археолог, работая в данной парадигме, средствами собственной дисциплины увидеть исчезнувшие к этнографическому времени этносы? Проблема, безусловно, нуждается в обсуждении.

Библиография

Белков П. Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб., 2009.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

Гурвич И. С. Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 5–42.

Диков Н. Н. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов // Этногенез народов Северной Азии: материалы конф. Новосибирск, 1969. С. 125–127.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтymeля. М., 1971.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб., 1993.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989.

Карлов В. В. Этнокультурное воспроизводство народов Сибири в доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды: типологические особенности и перспективы // Сибирский сборник–3: Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб., 2011. С. 82–88.

Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М., 1993.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.

Клейн Л. С. Археология и этнография: проблема сопоставлений // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; СПб., 1998. Ч. I. С. 97–120.

Кузнецов О. В. Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей // ЭО. 2006. № 5. С. 134–149.

Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л., 1990.

Лебединцев А. И. Древние культуры Северо-Востока России и этногенез северо-восточных палеоазиатов // Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е. П. Батянова, В. А. Тураев. М., 2010. С. 46–73.

Лебединцев А. И. Проблема появления и распространения юкагирских и тунгусских племен на Севере Дальнего Востока // Древние культуры Монголии и байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Вып. 3. С. 523–530.

Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов восточной Камчатки. М., 1985.

Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.

Слободин С. Б. Этнокультурные миграции на Севере Дальнего Востока по археологическим данным // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): материалы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004. С. 290–294.

Слободин С. Б. Северочукотская неолитическая культура Севера Дальнего Востока (генезис, хронология, ареал) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2012. № 2. С. 110–122.

Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3. С. 12–36.

Abstract

It is shown that the arguments ethnogenetic become an obligatory element of regional variant of archaeological expertise. Archaeologists have apprehended and steadily adhere to the views on ethnicity and ethnogenesis, which have developed in the soviet theory of the ethnic group. A specific feature of the knowledge of the distant past of the Far North-East of the Russian regional archeology is ethnic/ethnographic reality as a point of reference and shape reconstruction.